
АНТРОПОМЕТРИЯ ПОЛЯ ВЗАИМНОСТИ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

В.К. Радзиховская

Кафедра русского языка
Московский педагогический государственный университет
ул. Малая Пироговская, 1, Москва, Россия, 119991

Статья представляет функционально-семантическую категорию взаимности в аспекте антропометрии как системы измерений (оценок) в пространстве взаимных отношений.

Ключевые слова: функционально-семантическая категория, оценка, поле взаимности.

Измерение как деятельность представлено тремя основными типами: научным измерением (в эксперименте), контрольным измерением (в технике) и оценкой (в жизненной практике взаимодействия человека с миром) [1]. Оценка — реализация человеком в процессе восприятия окружающего мира (квантования — выделения частей, сохраняющих свойства целого [2]) способности оценивать, заданной генным кодом как условие сохранения и развития вида — служит эффективным механизмом саморегуляции мысле-рече-языковой деятельности и ее результата — феномена мысле-рече-языкового образования [3]. Модель порождения речевого действия по Ч. Осгуду [4], различающая позиции интеграции слова-стимула, репрезентации его на основе опыта и актуализации в речи слова-реакции [5. С. 36], как мы понимаем, отражает ведущую роль оценки в механизме мысле-рече-языковой деятельности — инструмента актуализации отношений в языковой системе (составляющей триединство мысли-речи-языка) и самоорганизации мысле-рече-языкового акта. Так оценка необходимо определяет эффективность мысле-рече-языкового действия как кванта социальных отношений.

Оценка есть сознательная деятельность, ориентированная на некую цель и состоящая в **сравнении** оцениваемого с выбранным эталоном [1]. Оценка как сравнение с эталоном и есть измерение. Термин «измерение», на наш взгляд, правомерен по отношению к реалиям языка; его в работе со словом употреблял М.В. Ломоносов: «сам измерил глубину русского слова и многократно ее проверил» [6].

Сравнение лежит в основе языковой деятельности и присутствует в каждом элементе мысле-рече-языкового действия, касающегося выбора звука, слова, его формы, направляемого мыслительным движением по цели действия. Как следствие оценка есть в каждом языковом элементе любого уровня, выполняющем смысло-различительную функцию [2].

Измерение (оценка) всегда делается с **погрешностью**. Мы называем явления реальности относительно точно, руководствуясь критерием понятности [7].

Живая речь понимается нами как эксперимент в естественных условиях, естественно допускающий погрешность. Погрешность, достаточная для достижения цели действия, есть **нормативная** погрешность, обеспечивающая узуальность (относительную/условную устойчивость) языковой системы (в отличие от **минималь-**

ной погрешности в научном эксперименте и **допустимой** — при техническом измерении).

При общении исходят из критерия достаточности по функциональной целесообразности действий. Мысле-рече-языковая деятельность выполняется с необходимой и достаточной по ситуации смыслоразличительной точностью, а значит, с допустимой неточностью для данной актуализации действия.

Таким образом, в языке и речи представлена «оценка как целенаправленная деятельность, состоящая в измерении, осуществляемом с нормативной погрешностью при выраженном отношении к оцениваемому как результату сравнения» [1]. Номинация, выполняемая словом, так или иначе **необходимо** включает операцию оценки — момент сравнения с чем-то **уже известным**, лежащим в основе названия, проведение оценки есть поиск внутренней формы слова. Собственно, и словообразовательное значение лексических дериватов, то есть значение отношения мотивирующего компонента к мотивированному образованию, суть причина формирования слова, включает оценку.

Слово, и специально оценочное, и любое предметно-номинативное, всегда в той или иной мере оценивает обозначаемое. «Само предметное значение [слова — *В.Р.*] до некоторой степени формируется... оценкой, и этой оценке принадлежит творческая роль в изменении значений» [8. С. 4]. Назвать что-либо значит оценить это, поместить это в свой опыт. Писатель со словом получает «...заклученный в слове опыт поколений, умение находить самый краткий и верный путь изображения действительности» (С.Я. Маршак), словообразовательная модель представляет собой порождающую модель слова [2], и «...мы в праве считать язык особым знанием... рядом с двумя другими — со знанием интуитивным, созерцательным, непосредственным и знанием научным, теоретическим» [9. Т. 2. С. 79], поэтому «исследование языка может стать источником знания как о системных связях его элементов, так и о том запасе представлений о мире, который накоплен каждым языком» [Там же].

Если проследить, как ребенок овладевает словом, то особенно отчетливо можно увидеть, как является оценочная компонента мысле-рече-языкового действия, когда заметно расхождение ее с языком взрослого окружения. С другой стороны, язык взрослого по оценке же нередко в силу сложности соотношения внутри- и внеязыковых связей выполняет для детей и ложно-ориентирующую функцию [10]. Она касается не только детской речи, дело в том, что «...в словах не только заключается знание, накопленное в опыте многих поколений, — в них есть и опасность фетишизма, парализующего мысль, деформирующего картину мира в глазах людей, пользующихся словами и склонных гипостазировать их содержание» [10. С. 117].

По сути своей оценка есть предикцирование [2]: в процессе сравнения (измерения) происходит реализация формулы отождествления 'это есть это' ('S есть P'). Оценочная компонента присутствует в каждой стороне языка, явления био-психосоциального [10], триединства мысли, речи и языка. И сама номинация суть предикация. («Собственно говоря, в языке нет элементов, никак не связанных с понятием предикации; это понятие сводится к рассмотрению одних элементов в их

отношениях к другим: каждая мысль о каком-то элементе является формой его локализации в пространстве и времени, его соотносением с некоторой ситуационной структурой, а это соотношение и есть предикация» [10. С. 145]). Лексические, словообразовательные значения и даже фонетические образования, выполняя смысловоразличительную функцию, как и все предикативные значения, живут по формуле логико-синтаксической [10] структуры ‘это есть это’ — как оценка, формирующаяся по функциональной целесообразности.

Оценка подвижна: на практике она отклоняется от жесткой формулы предикативности, реализуясь по формуле предикативности/абдеррирования в согласии с принципом *дополнительности* [11]. Оценка допускает возможные отклонения от основной формулы отождествления ‘это есть это’ к формуле расхождения ‘это есть не совсем это (вплоть до ‘совсем не это’)’ в зависимости от принятой и действующей системы социально значимых ценностей. Ее социальную значимость и подвижность (в терминологическом пространстве нашего времени — квантовую природу) показал М.В. Ломоносов устами Разума в пьесе, отражающей роль грамматики в механизме порождения речи: «Что худо, то долго устоять не может. И старое скоро возвратится, ежели оно нового лучше» [5. С. 382].

Социальная значимость определяет широту феномена оценки, осуществляемой при реализации цели языкового действия.

Оценка лежит в основании процесса порождения/восприятия речи и формирования самого языка. В речемыслительном образовании — мысли, речи, языке — всегда и необходимо присутствует оценка, причем в языке она наиболее устойчива, а в речи является не всегда адекватно, нуждаясь в подстройке по ситуации. Языковой код по своей оценочной значимости не может строго соответствовать речевой стороне формирующегося мысле-рече-языкового образования, и говорящие в этом смысле стараются как-то функционально согласовать все элементы мысле-рече-языкового действия, выверяя его по результату. Функциональное согласование единиц языка идет гибко, по ситуации с усилением/ослаблением признаков, заданных языковым кодом. Таков квантовый (устойчиво-подвижный) характер оценки как инструмента функционального согласования элементов мысле-рече-языкового действия.

Инструментом измерения воспринимаемого мира изначально является сам человек, его ощущение и понимание ситуации. К специальным средствам измерений или, собственно, к измерительным приборам при проведении измерений приводит его неудовлетворенность использованием для измерения самого себя, частей своего тела (рук, ног — шагов, движений — при выяснении линейных размеров; органов слуха и зрения — для оценки высоты тона, скорости перемещения, оценки психических состояний). Весь этот опыт, фиксирующийся речью, закрепляется и хранится в языке.

По сути дела лингвистика изучает, как человек измерил мир словом. В словах, и не только в словах, специально обозначающих меру (*локоть, аршин, метр*), но и в самых разных словах и выражениях закрепляется оценка как действенный результат взаимодействия человека с миром.

Лингводидактика, в частности, использует языковой опыт человека в области измерения мира словом для организации процесса обучения языку. В работе по изучению фразеологии польского языка А. Pięcińskiej [12] один раздел так и назван: «Ciało człowieka “składa się” z frazeologizmów», а внутри него выделены главы рассмотрения пословиц, фактически «иллюстрирующих» измерительные возможности языковых форм, что, естественно, способствует и их запоминанию: «Buzia, gęba — inny wymiar ust», «Nos — barometr nastrojów (что подтверждает фразеология польского языка: *zadzierać nosa, zwiesić/spuścić nos na kwintę*, — а также и русского языка: *задирать нос, опустить нос*, но в польском языке есть и выражение *podpierać się nosem* — ‘выбиваться из сил’, а в русском используется фразеологизм *держатъ нос по ветру* — ‘patrzeć skąd wiatr wieje’ или ‘kręcić się jak chorągiewka na dachu’)» и т.д.

Носом человек буквально измеряет поле взаимных отношений: он может *встретиться с кем-либо носом к носу, получить по носу*, советуют *не совать нос не в свои дела, перед самым носом* могут захлопнуть дверь или закончить продажу, а то и бесплатную выдачу чего-либо, того, что при рассмотрении взаимных отношений в языке, речи, мысли и внеязыковой действительности мы называем предметом взаимного интереса. Поле взаимных отношений людей мы рассматриваем как естественную и единственно возможную — динамическую и эффективную — область становления, развития и совершенствования языка, нормирования его в речи [13] и формирования в языке **поля взаимности** — функционально-семантической категории (ФСК) взаимности как *системы разноуровневых средств, взаимодействующих при выражении отношений объектной зависимости субъектов друг от друга* [14].

Язык своим соотношением и системной организацией лексики и грамматики формирует и удерживает собой функционально-семантическое поле взаимных отношений, имеющее, однако, в каждом языке и в каждой речевой ситуации, мыслительных представлениях и реальной действительности разные пространственные организующие его ориентиры и параметры. Периферию ФСК взаимности в русском языке представляют наименования **лиц**, вступающих во взаимные отношения (*друг, враг, конкурент* и др.), **их специфических действий** и **характеристик**.

Отличительная особенность слов, обозначающих лиц поля взаимности, состоит в том, что, даже обозначая одно лицо и будучи в форме единственного числа, они обозначают как минимум двоих, то есть предполагают наличие и другого лица, вступающего в поле взаимных отношений. Это могут быть и слова, составляющие конверсивную пару: *жених — невеста, истец — ответчик* и др.

К этой лексической группе прилегают также наименования лиц, не участвующих непосредственно во взаимных отношениях, но как-то влияющих на них, стимулирующих и организующих поле взаимных отношений (*сваха, судья*).

Взаимные глаголы также обозначают действие, которое выполняется по крайней мере двумя субъектами, связанными объектной зависимостью. Они могут быть возвратными и невозвратными. Эти, последние, — глаголы мысли и речи [15]. Причину их невозвратной формы мы видим в том, что, обозначая сложное действие, сформированное путем удвоения говорения (автоматизации процесса порождения

дения речи — интериоризации высших психических функций, так как человек, порождая речь, размышляет и «договаривается» прежде всего с самим собой), они содержат взаимное значение в лексической части и поэтому не требуют специального морфологического оформления. Специфика пространственной ориентации значения взаимного действия проявляется в том, что, в отличие от взаимно-возвратных глаголов, взаимное значение невозвратных глаголов не препятствует использованию их в конструкциях страдательного залога:

В маленьком белом домике собирался теперь по вечерам небольшой елагинский кружок, здесь **обсуждались** новые **вопросы...** **читались** новые **газеты**. (В. Короленко); Я слишком рано стала наблюдать **все, что** вокруг меня **делалось** и **говорилось** **взрослыми**. (Е. Панаева).

Конструкция страдательного залога в поле взаимных отношений в центр предложения выносит объект/предмет взаимных действий. Так, в систему средств ФСК взаимности попадает объект, который, рассматривая семантику взаимных отношений в феномене речемыслительного образования, мы назвали предметом *взаимного интереса* [16], и он существенно определяет антропометрию поля взаимных отношений. Лексическое наполнение позиции объекта в поле взаимных отношений образует одну из лексико-семантических групп ФСК взаимности, тем более важную, что именно он, обозначая предмет, определяет и организует взаимное действие. В сфере имущественных отношений самые общие по значению слова, фиксирующие предметы имущественной ценности [17], это *товар* ‘то, что является предметом торговли’, *деньги* — ‘металлические и бумажные знаки, являющиеся мерой стоимости при купле-продаже’. В словообразовательную же парадигматику ФСК взаимности входят и фрагменты словообразовательных гнезд, включающих в себя наименования предмета взаимного интереса, как ядерный конструкт периферии поля взаимности [18].

Так, относящееся к периферии поля взаимности слово *товарищ* — ‘субъект равноправного действия’, исторически связанное со словом *товарка*, притягивает в поле взаимных отношений и слово *товар* [19]. Более того, предмет взаимного интереса организует **целостность** доминантного в системе полей взаимности [14] — мысле-рече-языкового действия (наряду с взаимным действием с предметом имущественной ценности, владения, а также взаимным движением).

И неслучайно, как верно уловил эту особенность человеческой психики доктор и писатель А.П. Чехов. Создав образ Душечки, он вскрыл этот предмет как механизм мысле-рече-языковой деятельности:

«А главное, что хуже всего, у нее уже не было никаких **мнений**. Она видела кругом себя предметы и понимала все, что происходило кругом, но ни о чем не могла составить мнения и не знала, о чем ей говорить. А как это ужасно, не иметь никакого мнения! Видишь, например, как стоит бутылка, или идет дождь, или едет мужик на телеге, но для чего эта бутылка, или дождь, или едет мужик на телеге, какой в них смысл, сказать не можешь и даже за тысячу рублей не сказал бы. При Кукине и Пустовалове и потом при ветеринаре Оленька могла объяснить все и сказала бы свое мнение о чем угодно, теперь же и среди мыслей и в сердце у нее такая же пустота, как и на дворе. И так жутко и так горько, как будто обьяелась полыни».

Думается, знаменательно, что на юбилейном вечере, посвященном столетиям со дня рождения А.П. Чехова, созданный писателем образ человека, которому не с кем разговаривать, был художественно отыгран на театральной сцене А.Б. Фрейдлих. **Мнение** — феномен взаимодействия, взаимности как явления психики, мыслительной деятельности — диагностировал доктор Чехов. *Значение, мнение* организует деятельность человека через мысле-рече-языковую деятельность и мысле-рече-языковое действие как общественное явление.

Социальная значимость мыслительного взаимодействия актуализируется писателями:

«И вот общественное мнение! / Пружина чести, наш кумир! / И вот на чем вертится мир!» (А. Пушкин).

Ценностное значение для личности общественного мнения подчеркивает и ироническое высказывание В. Маяковского: «*Мнение — не имение. / Потерять его не страшно*» — замечательно то, что здесь сливаются объекты имущественной и интеллектуальной ценности, вполне выявляя феномен объекта взаимного интереса в поле взаимных отношений. Оценку соотношения духовного и материального достатка дал герой М. Горького:

«Деньги ничто... когда они есть..., а боязнь чужого мнения — нечто... если человек трезв...» («На дне»).

Предмет взаимного интереса всегда присутствует в поле взаимных отношений как мотив взаимного действия. При реализации взаимных отношений он может быть сознательно скрыт, выступать явно или неявно. Но если нет предмета взаимного интереса, то и нет взаимности отношений. Язык и речь реагируют на эту сложную ситуацию взаимных отношений оформлением взаимного значения в глаголе, в наименованиях лиц, участников взаимного действия и объектов взаимного интереса, их характеристик, самим наличием/отсутствием и даже ложным представлением объекта взаимного интереса в речи. Герой А.П. Чехова, старый человек, профессор, медик, осмысливая свою ситуацию, рассуждает:

Я напряженно всматриваюсь в лицо сырой, неуклюжей старухи, ищу в ней свою Варю, но от прошлого у нее уцелел только страх **за мое здоровье** да еще манера **мое жалованье** называть **нашим жалованьем**, мою шапку — **нашей шапкой**. («Скучная история»).

Предмет взаимного интереса как будто выходит за пределы собственно антропометрии поля взаимности, но он-то как точка отсчета фиксирует пространство взаимных отношений и, главное, характеризует его. Отношением к предмету взаимного интереса качественно выстраивается семантическое поле взаимных отношений и выявляется человек как участник этих отношений, получая специфическую характеристику, благоприятную или препятствующую действиям его в поле взаимности (*жадный/щедрый, общительный/нелюдимый*): *Ипполит Ипполитыч был человек **неразговорчивый**; он или молчал, или же говорил только о том, что всем давно уже известно*, — так писатель обрезает границы его поля взаимных отношений. — ...*Никитин посидел около стола не большие минуты и соскучился.* —

Образ учителя истории и географии в «Учителе словесности» вырисовывается как неконтактный и через отношение к воспринимаемым событиям, предмету мысли и речи — предмету взаимного интереса. Этот **повтор** писателя (*он говорил только о том, что всем давно уже известно*), знаменующий речь Ипполита Ипполитыча, снимает саму возможность получить от него информацию, снимает саму возможность появления объекта взаимного интереса. Речь Ипполита Ипполитыча — это контрапункт текста всего рассказа, каждый раз если не разрушающий поле взаимных отношений, то останавливающий его движение, заканчивающееся его кончиной:

...все женщины, бывшие на похоронах, искренно плакали, быть может оттого, что знали, что этого неинтересного, забитого человека не любила ни одна женщина. Я хотел сказать на могиле товарища теплое слово, но меня предупредили, что это может не понравиться директору, так как он не любил покойного.

Наиболее конденсированно представлена антропометрия поля взаимности во фразеологии, фиксирующей ситуацию взаимных отношений. Структура фразеологизмов поля взаимности отличается, как правило, повтором составляющих их элементов, отражающим наличие множества субъектов взаимного действия. Напряженность числа «два» в языковом мышлении, — о которой писал И.А. Бодуэн де Куртене — «поддерживаемая постоянно напоминающей о себе двойственностью, парностью и противопоставленностью как в физическом, так и в общественном и в индивидуально-психическом мире» [9], представлена в поле взаимности лексическим повтором его составляющих: *с глазу на глаз, один на один* (сравним франц. *en tête à tête* — ‘голова к голове’), *лицом к лицу, бок о бок; плечом к плечу, рука об руку, душа в душу, от сердца к сердцу* и пр.

Тесное пространство взаимных отношений очерчивается в социуме по полу: *между нами девочками, как мужчина с мужчиной* — стилистически оправдан вариант этого фразеологизма в «Учителе словесности»:

«Очень вам благодарен за честь, которую вы оказали мне и дочери, — говорит старик Шелестов, — но позвольте мне поговорить с вами **по-дружески**. Буду говорить с вами не как отец. А **как джентльмен с джентльменом**. Скажите, пожалуйста, что вам за охота так рано жениться? Это только мужики женятся рано, но там, известно, хамство, а вы-то с чего? Что за удовольствие в такие молодые годы надевать на себя кандалы?»

Эту форму **повтора**, модель которого как специфично формирующаяся в поле взаимных отношений на примере фразеологизма *Рыбак рыбака видит издалека* — описана в [15], и получает грамматический центр ФСК взаимности — местоимение *друг друга*. В качестве взаимного местоимения выражение *друг друга* получило доказательную квалификацию в работе Н.А. Янко-Триницкой [15], взаимное значение этого местоимения отмечено А.М. Пешковским [20].

Идея же о том, что «сочетания *один другого, один другому, один с другим* и т.п. синонимичны сочетаниям *друг друга, друг другу, друг с другом*, на что указывает их употребление в одном и том же значении и функции» [21], не учитывает их различие по функциональной значимости: местоимение *друг друга* обозначает

большую плотность субъектно-объектного взаимодействия. Неравноценность замены выражения *один другого* местоимением *друг друга* выявляет и данный для иллюстрации пример:

Раньше они всегда были союзники, а теперь какая-то кошка пробежала между ними, и они поклялись погубить один другого (Д.Н. Мамин-Сибиряк).

Здесь *один другого* несет даже оттенок разъединения, и было бы странным употребление в этом контексте взаимного местоимения *друг друга*.

С точки зрения антропометрии местоименные выражения *друг друга* и *один другого* не только не синонимичны, но указывают на разную меру и разную пространственную ориентацию взаимных отношений. Возможны, конечно, позиции нейтрализации этих местоимений, но нам интереснее позиции различения, в которых просматривается нюансировка представления пространства, плотности взаимных отношений, более точное их измерение. Русский язык располагает дополнительным средством для выражения значения взаимности, а благодаря сформированному в нем взаимному местоимению получает функционально плотную системность организации семантического пространства взаимных отношений и тем самым утверждает существование в русском языке функционально-семантической категории взаимности.

Речевая стихия повтора, на фоне которого нарабатывается повтор как форма фразеологизма в поле взаимности по действующему в языке принципу экономии, устанавливает лексическую парадигматику ФСК взаимности. Лексическая парадигматика поля взаимности устанавливается многотрудным осознанием системности оформления семантики взаимных отношений в сложной системе в процессе употребления лексики, создающей поле взаимности в речи. Парность ядерной лексики взаимного значения — необходимая для образования поля взаимности, минимальное множество как квант ФСК взаимности — накапливается и систематизируется в противоположениях (*муж/жена, врач/больной, пациент, учитель/ученик* [22] и т.п.), находя свой грамматический центр в форме взаимного местоимения *друг друга*:

«Если я литератор, то мне нужно жить среди народа. Нужен хоть кусочек общественной жизни... Если я **врач**, то мне нужны больница и **больные**...» (А.П. Чехов).

Лексическая парадигма взаимного значения скрепляется наименованием предмета взаимного интереса: *муж\жена — ребенок (сын\дочь); врач\пациент — здоровье; учитель\ученик — знание* [23]. Языковой материал наблюдаемого нами поля взаимности выявляет системность организации поля взаимности в языке в соответствии с закономерностями использования средств, создающих **поле взаимности в речи** — представление ситуации взаимных отношений в речи.

Мягкое движение форм, их функциональные соотношения устанавливаются при изображении ирреальности взаимных отношений. Антропометрия поля взаимности строится тогда умоглядно, моделируется, но функциональное сближение в речи языковых форм, несущих информацию о взаимных отношениях, задает ту же обнаруживаемую нами систематизацию лексики, организующуюся в реаль-

ном общении формирующимся в языке полем взаимности, в пределе стремящемся к созданию ФСК взаимности с ее грамматическим центром (*друг друга*). Ложность ситуации взаимности все-таки выдает себя — односторонностью, то есть нереальностью изображения:

«И досадуя, что он не объяснился еще с Манюсей и что ему не с кем теперь поговорить о своей любви, он пошел к себе в кабинет и лег на диван. В кабинете было темно и тихо. Лежа и глядя в потемки, Никитин стал почему-то думать о том, как через два или три года он поедет зачем-нибудь в Петербург, как Манюся будет провожать его на вокзал и плакать; в Петербурге он получит от нее длинное письмо, в котором она будет умолять его скорее вернуться домой. И он напишет ей... Свое письмо начнет так: «Милая моя крыса...» — Именно, милая моя крыса, — сказал он и засмеялся» (А.П. Чехов. «Учитель словесности»).

При этом глагол *влюбиться* — в виртуальном поле взаимности уже глагол взаимного действия, ибо *влюбиться* — значит уже вступить в поле взаимных отношений, пусть виртуальное, и оценка, на основе которой в этом состоянии строится взаимодействие с миром и мысле-рече-языковая деятельность меняется в пользу новой ситуации:

Никитину, с тех пор, как он влюбился в Манюсю, все нравилось у Шелестовых: и дом, и сад при доме, и вечерний чай, и плетеные стулья, и старая нянька, и даже слово «хамство», которое любил часто произносить старик. Не нравилось ему только изобилие собак и кошек да египетские голуби, которые уныло стонали в большой клетке на террасе (А.П. Чехов. «Учитель словесности»).

Нюансировка меры поля взаимных отношений в речи обусловлена наличием в языке переходных зон между совместным и взаимным действием, полувзаимным и взаимным действием, а также собственно взаимным и антивзаимным действием, что мы, как и само различие семантики взаимного и совместного, взаимного и полувзаимного, взаимного и антивзаимного действия, относим также к явлению антропометрии поля взаимности. По широкому пониманию оценки как измерению с допустимой погрешностью любая номинация в поле взаимности являет собой и инструмент его измерения.

Писатели, как, впрочем, и любой носитель языка, избегают теоретически неизбежного повтора слов, изображая поле взаимных отношений, и тем самым уточняется мера поля взаимности. Мастер делает это органично своему творчеству — выполняемой им эстетической задаче. Так, герой В.М. Шукшина *На девок, однако, смотрел, и снился им по ночам*; в «Учителе словесности» А.П. Чехов реализует свою программную идею, как он полагал, достойную романа: *Двое полюбили друг друга, поженились и были несчастливы* — Никитин и Маша Шелестова как раз герои такого романа. Повтор, однако, может даже подчеркнуть глубину взаимных отношений:

Ему хотелось заговорить о том, как страстно он ее любит, но он боялся, что его услышат офицеры и Варя, и молчал. Манюся тоже молчала, и он чувствовал, отчего она молчит и почему едет рядом с ним, и был так счастлив, что земля, небо, городские огни... — все сливалось у него в глазах во что-то очень хорошее и ласковое, и ему казалось, что его Граф Нулин едет по воздуху и хочет вскарабкаться на багровое небо (А.П. Чехов. «Учитель словесности»).

Различение оттенков взаимного значения (взаимности и совместности, взаимного и полувзаимного действия, взаимного и антивзаимного действия) оказывается весьма значимым для идейно-эстетического содержания художественного произведения:

У кого на руках эта карта, — начал торжественно старик Шелестов, поднимая верхнюю карту второй колоды, — тому судьба пойти сейчас в детскую и поцеловаться там с няней (А.П. Чехов. «Учитель словесности») —

очевидно, что *поцеловать няню* или *поцеловаться с няней* — не одно и то же. Лексико-грамматическое оформление поля взаимных отношений в этой нюансировке иногда страдает при переводе:

В девять часов Рябовский на прощанье поцеловал ее для того, как она думала, чтобы **не целовать** на пароходе при художниках, и проводил на пристань (А.П. Чехов. «Стрекоза»). — O dziesiątej godzinie Riabowski na pożegnanie pocałował ją, dlatego jak myślała, żeby **nie całować się** na statku, przy malarzach, i odprowadził ją do przystani (М. Dąbrowska).

Естественно, есть разница в значении состояния *ей было обидно* и *она чувствовала себя обиженной*:

Паша легла и стала громко плакать. Ей уже было жаль своих вещей, которые она сгоряча отдала, и **было обидно**. Она вспомнила, как три года назад ее ни за что ни про что побил один купец, и еще громче заплакала (А.П. Чехов. «Хористка»). — Pasza położyła się i zaczęła głośno płakać. Żal już jej było rzeczy, które oddała była na gorąco, i **czuła się skrzywdzona**. Przypomniała sobie, jak trzy lata temu pewien kupiec zbił ją nie wiadomo za co i po co, i jeszcze głośniej zapłakała. (М. Dąbrowska) —

здесь дается не прямая оценка события, а упоминание аналогичного случая.

Более всего при передаче взаимного значения чувствительна сопровождающая его оценочная компонента. Оценка в поле взаимности обнаруживает глубоко **творческий** характер. Признаковая характеристика участников взаимных отношений особенно ценна: *Только честные и мошенники могут найти выход из всякого положения, а тот, кто хочет в одно и то же время быть честным и мошенником, не имеет выхода.* (А.П. Чехов. «Дуэль») — видимо, поэтому не приняла лермонтовского героя среда *«честных контрабандистов»*. Сложность коллизии сказалась на неточности перевода текста: на кара-калпакском языке сказано: *«грязных контрабандистов»*, а оценочная компонента определяет смысл произведения.

По оценке строится и развивается поле взаимных отношений: в «Учителе словесности» А.П. Чехов характерным для него способом «уравновешивания плюсов и минусов» (К.И. Чуковский «Юность», 1967, № 4) вскрывает причину невозможности/трудности личного счастья. При влюбленности поле взаимности героев держится на смещении оценки: *То, что в ее словах было справедливо, казалось ему необыкновенным, изумительным; то же, что расходилось с его убеждениями, было, по его мнению, наивно и умиительно.* Поживившись, он не переставая наблюдал, как его разумная и положительная Маша устраивала гнездо, и сам тоже,

желая показать, что он не лишний в доме, делал что-нибудь бесполезное... — поле взаимности выравнивается сознательными действиями. Пока наконец ему не захотелось чего-нибудь такого, что захватило бы его до забвения самого себя, до равнодушия к личному счастью, ощущения которого так однообразны.

Антивзаимные отношения рушат перспективу развития поля взаимности:

Споры всякий раз за чаем и за обедом начинала Варя. — Когда Никитину (учителю словесности — В.Р.) приходилось оспаривать то, что казалось ему рутинной, узо-стью или чем-нибудь вроде этого, то обыкновенно он вскакивал с места, хватал себя обеими руками за голову и начинал со стоном бегать из угла в угол. (А.П. Чехов. «Учитель словесности»)

Наиболее типичная причина отсутствия взаимных отношений — отсутствие предмета взаимного интереса:

Я имел удовольствие присутствовать за чаем во время спора. Вполне разделяю ваше мнение. Мы с вами единомышленники, и мне было бы очень приятно поговорить с вами. Вы изволили читать «Гамбургскую драматургию» Лессинга? — «Нет, не читал». — Шебалдин ужаснулся и замахал руками так, как будто ожег себе пальцы, и, ничего не говоря, попятился от Никитина. — «В самом деле неловко. Я — учитель словесности, а до сих пор еще не читал Лессинга. Надо будет прочесть» (Там же).

Знание, информация — предмет взаимного интереса, организующий поле взаимных отношений познавательного процесса. Счастье же в личной жизни имеет другой фокус взаимного интереса:

Он [Никитин — В.Р.] разделся и быстро лег, чтобы поскорее начать думать о своем счастье, о Манюсе, о будущем и вдруг вспомнил, что он не читал еще Лессинга. «Надо будет прочесть... — подумал он. Впрочем, зачем мне его читать? Ну его к черту!» И, утомленный своим счастьем, он тотчас же уснул и улыбался до самого утра (Там же).

Найденная формула личного счастья — «Счастье — это когда тебя понимают» — высказана А.П. Чеховым слезами Вари:

Никто, никто! Боже мой, никто не может понять!

Окружающие раскрывают стороннее содержание этой ситуации:

Но все отлично понимали, что она старше своей сестры Мани на четыре года и все еще не замужем и что плакала она не из зависти, а из грустного сознания, что время ее уходит и, быть может, даже ушло (Там же).

Доктор А.П. Чехов говорил, что эпидемия холеры неизбежна, пока есть тараканы, грязь. Писатель А.П. Чехов, как доктор, исследует проблему личного счастья. Выстраивая в своих произведениях систему полей взаимных отношений, он нащупывает болевые точки — нарушения полей взаимных отношений: кончина Ипполита Ипполитыча, неустроенность Вари в «Учителе словесности» — это те же неожиданные выстрелы посреди кажущейся спокойной жизни, наконец, движение в поле взаимных отношений Никитина *до равнодушия к личному счастью, ощущения которого так однообразны*. Неразрешимость проблемы счастья

фиксируется в творчестве А.П. Чехова невозможностью реализации взаимных отношений:

Когда княгиню беспокоили, не понимали, обижали и когда она не знала, что ей говорить и делать, то обыкновенно она начинала плакать... Кушая грибки и запивая их малагой, княгиня мечтала о том, как ...все люди, сколько их есть на земле, будут нападать на нее, злословить, смеяться; она откажется от своего княжеского титула, от роскоши и общества, уйдет в монастырь, и никому ни одного слова упрека; она будет молиться за врагов своих, и тогда все вдруг поймут ее, придут к ней просить прощения, но уж будет поздно... (А.П. Чехов. «Княгиня»).

Исследование формирования взаимных отношений в языке и речи способствует формированию осознанного движения в социуме. В иерархически организованных сложных системах, имеющих различные способы выражения значения, действует фактор непредсказуемости. Язык, органично включенный в систему мысле-рече-языкового действия, создает ФСК взаимности как строгий и, может быть, наиболее точный инструмент измерения взаимных отношений для осознания и установления (реализации) их во внеязыковой действительности.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Кирьянов А.П.* Научно-технические проблемы естествознания. — М., 2003.
- [2] *Лосев А.Ф.* В поисках построения общего языкознания как диалектической системы // Теория и методология языкознания: Методы исследования языка. — М., 1989. — С. 5—92.
- [3] *Радзиховская В.К., Кирьянов А.П.* Категория оценки как основа формирования и функционирования языковой системы // Функциональная лингвистика: проблемы и перспективы: Мат-лы конференции, Ялта. 24—28.04.1995 г. — Симферополь: CLC, 1995. — С. 9—10.
- [4] *Osgood С.Е.* Lectures on Language Performance (Springer Series in Language and Communication. — Vol. 7). — New York etc., 1980.
- [5] *Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. — М., 1997.
- [6] *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений: В 11 т. — М.; Л., 1952. — Т. 7.
- [7] *Пешковский А.М.* Объективная и нормативная точка зрения на язык // Избран. труды. — М., 1959.
- [8] *Виноградов В.В.* Русский язык. — М., 1972.
- [9] *Бодуэн де Куртэнз И.А.* Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. — М., 1963. — Т. 1, 2.
- [10] *Дорошевский В.* Элементы лексикологии и семиотики. — М., 1973.
- [11] *Кирьянов А.П., Радзиховская В.К.* Квантовая модель предикативности/абerratивности в языке как проявление когерентности/некогерентности в сложной макросистеме // Межв. сб.: Оптические поля и оптические методы обработки информации. — М.: Изд-во МФТИ, 1991. — С. 94—100.
- [12] *Pikcińska A.* Co raz wejdzie do giowy — już z niej nie wyleci. — Kraków. — wyd. I.
- [13] *Радзиховская В.К.* Красота как категория в поле взаимности // Филологические традиции в литературном и лингвистическом образовании: Сб. науч. ст. — Вып. 7. — Т. 1. — М.: МГПИ, 2008. — С. 195.
- [14] *Радзиховская В.К.* Функционально-семантическая категория взаимности в современном русском языке: квантово-синергетический аспект. — М.: Прометей; МПГУ, 2005.
- [15] *Янко-Триницкая Н.А.* Возвратные глаголы в русском языке. — М., 1968.

- [16] *Радзиховская В.К.* Предмет взаимного интереса в поле взаимности // *Язык и мышление: Психолингвистический и лингвистический аспекты. Мат-лы 5-й Всероссийской научной конференции (Пенза, 11—14 мая 2005 г.).* — Москва—Пенза, 2005. — С. 94—97.
- [17] *Смолина К.П.* Лексика имущественной сферы в русском языке XI—XVII вв. — М.: Наука, 1990.
- [18] *Радзиховская В.К.* Система словообразовательных гнезд как ядерный конструкт периферии ФСК взаимности // *Культура народов Причерноморья.* — 2006. — № 82. — Т. 2. — С. 115—117.
- [19] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка / Совмещенная редакция В.И. Даля и И.А. Бодуэна де Куртенэ. — М., 2001.
- [20] *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. — М., 1938.
- [21] *Рословец Я.И.* Значение и синтаксические функции сочетаний *друг друга, друг с другом* и т.п. // *Современный русский язык: Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина, 1964.* — С. 179—189.
- [22] *Радзиховская В.К.* Профессиональная специализация лексики в системе функционально-семантической категории взаимности // *Языки профессиональной коммуникации: Сб. статей участников 3-ей Международной научной конф. (Челябинск, 23—25 октября 2007 г.): В 2 т.* — Челябинск: Энциклопедия, 2007. — С. 221—224.
- [23] *Радзиховская В.К.* Профессиональная специализация лексики в системе функционально-семантической категории взаимности: *учитель — ученик* // *Преподаватель XXI век.* — 2010. — № 3. — Ч. 2. — С. 271—278.

ANTROPOMETRY OF MUTUALITY'S FIELD IN LANGUAGE AND SPEECH

V.K. Radzikhovskaya

Russian Language Department
Moscow Pedagogical State University
Malaya Pirogovskaya str., 1, Moscow, Russia, 119991

This report represents the functional semantic mutuality's category within framework of the antropometry as the system of measurings (assesses) into the space of mutuality's relations.

Key words: functional semantic category, assess, mutuality's field.